

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ РЕГИОНА

Владимир Николаевич ДЬЯЧЕНКО ^a, Виктория Владимировна ЛАЗАРЕВА ^b

^a кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Институт экономических исследований ДВО РАН,
Хабаровск, Российская Федерация
dvn48@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4661-0328>
SPIN-код: 7064-7928

^b кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры экономической теории и государственного управления,
Амурский государственный университет (АмГУ),
Благовещенск, Российская Федерация
v_lazareva12@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9181-9393>
SPIN-код: 2971-3272

* Ответственный автор

История статьи:

Рег. № 245/2020
Получена 28.04.2020
Получена в
доработанном виде
25.05.2020
Одобрена 11.06.2020
Доступна онлайн
16.07.2020

УДК 332.02, 314.7

JEL: J61, R23, R58

Ключевые слова:

демография,
национальные проекты,
региональное развитие,
инвестиционные
проекты, трудовая
миграция, население

Аннотация

Предмет. Дифференциация в развитии инвестиционного процесса по отраслям и районам. Демографические эффекты, возникающие в результате трансформаций в экономике и социальной сфере.

Цели. Оценка складывающихся в муниципальных образованиях и отдельных населенных пунктах демографических эффектов, обусловленных реализацией инвестиционных проектов.

Методология. Базой исследования является совокупность теорий пространственного развития. Используются методы логического, сравнительного, статистического анализа, а также типологизация.

Результаты. Реализуемая инвестиционная стратегия не приводит к существенному улучшению демографической ситуации, к перелому тенденции оттока населения из региона, способствуя формированию обособленных зон бедствия. Развитие территориальной трудовой мобильности происходит преимущественно в форме временных перемещений без изменения места жительства.

Выводы. Необходимы кардинальные изменения во внутрирегиональной пространственной политике, требуется совершенствование стратегических планов развития региона.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2020

Для цитирования: Дьяченко В.Н., Лазарева В.В. Демографические эффекты реализации инвестиционной стратегии региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2020. – Т. 18, № 7. – С. 1248 – 1265.

<https://doi.org/10.24891/re.18.7.1248>

Введение

Стабилизация и увеличение численности населения является стратегической целью развития Дальнего Востока, закреплённой в Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года¹. При всей масштабности мер, предпринимаемых для ускоренного развития региона, переломить тенденцию оттока населения пока не удастся. Одним из существенных ограничений эффективности проводимой политики является недостаточный учет своеобразия, обусловленного влиянием так называемых «*inherited characteristics*», а также сложившихся внутрирегиональных особенностей в социально-экономическом развитии. Складывающееся многообразие делает необходимой ориентацию в научных исследованиях на фиксацию и осмысление особенностей, включая эффекты, вызываемые осуществляемыми преобразованиями и, прежде всего, связанные с развитием инвестиционной активности, а также с проводимой в регионе инвестиционной политикой.

Сложившиеся до начала реформ социально-экономические различия во многом обусловили дифференциацию в развитии инвестиционного процесса как по масштабам, так и по отраслевой и пространственной направленности, определяя порождаемые эффекты в экономике и социальной сфере. В полной мере это относится и к демографическим процессам.

Реализуемая в настоящее время инвестиционная стратегия региона заключается в выделении и развитии «точек роста». Реализация в регионах крупных национальных и локальных инвестиционных проектов призвана играть определяющую роль в интенсификации экономического роста, в существенном улучшении социально-экономических условий жизни населения, в повышении привлекательности регионов как мест постоянного проживания. Крупные проекты имеют особое значение для расширения возможностей использования собственного потенциала, для развития депрессивных и слаборазвитых регионов. Однако, как показывает мировая практика, при всех достоинствах инновационной активности в форме создания «точек роста» ей присущ ряд ограничений и недостатков, в числе которых следует назвать «анклавизацию» экономики. Успешное развитие одних регионов сочетается с деградацией других, предопределяя наращивание асимметрии, дифференциацию в уровне жизни населения, приобретающую крайние негативные формы.

Такая ситуация становится все менее терпимой, поскольку ее прямым следствием становится нарастание острейших проблем в сфере благосостояния населения: в частности, происходит формирование значительного круга пространственно локализованных зон бедствия, где широкое распространение получает бедность

¹ Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.06.2017 № 1298-р.
URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218765/a4776b31811f194088cef1d9df302a8cbb27ec64/

трудоспособного работающего населения, определяющая миграционный отток [1]. Трансформации в различных региональных системах расселения свидетельствуют, что неравномерность проявляется на уровне отдельных населенных пунктов в пределах одного и того же муниципального района.

В данной работе делается попытка на примере Амурской области оценить влияние развития инвестиционной активности в регионе, реализации инвестиционных проектов на динамику миграционных процессов, территориальную трудовую мобильность. Внимание будет сосредоточено на инвестиционной активности по развитию сервисного сектора экономики региона; модернизации железнодорожного транспорта; наращивании сельскохозяйственного производства; развитию золотодобывающей промышленности; реализации инвестиционных проектов в рамках региональных ТОСЭР.

Теория и методология исследования

Происходящие в регионах социально-экономические трансформации стали предметом широкого круга исследований в рамках различных наук и в междисциплинарных исследованиях. К числу важнейших тенденций относится смещение центров сосредоточения производства и населения, усиление дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития, интеграция и фрагментация экономического пространства, усиление неравномерности на внутрирегиональном уровне [2]².

Широкий круг исследований посвящен проблемам усиления межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации в развитии демографических процессов. При этом внимание было привлечено к кризисным процессам [3–5]. В последнее время исследователи уделяют внимание анализу процессов, связанных с разработкой и реализацией национальных проектов [6, 7]. Особо выделяются исследования проблем миграции, оценки ее влияния на экономическое развитие регионов и систему расселения [8]. Важное место занимают исследования человеческого потенциала [9].

Проблемы в сельской местности стали предметом широкого круга исследований, затрагивающих различные аспекты процессов, происходящих в системе сельского расселения [10–12]. Важным итогом проводимого анализа стало выделение в системе расселения населенных пунктов, являющихся центрами окружающей территории, или центрами расселения [13].

С учетом рассмотренных положений авторами проведена оценка влияния реализуемой инвестиционной стратегии региона на демографические процессы в муниципальных образованиях Амурской области, основанная на их типологии.

² Нефедова Т.Г. Сжатие и поляризация сельского пространства России.
URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0507/analit01.php>

Выбор Амурской области определяется тем, что для нее характерны все основные черты регионального развития Дальнего Востока: незаконченность процесса хозяйственного освоения, наличие обширных незаселенных пространств, разреженность сети расселения, низкие густота поселений и плотность населения, ограниченная транспортная доступность. При этом нами учитывалось внутреннее разнообразие перечисленных характеристик территории, наличие локалитетов, имеющих значительную специфику.

В качестве критериев для выделения типов нами были использованы: статус поселения в административно-территориальной структуре, хозяйственная специализация, внутрихозяйственный статус размещаемых производств, удаленность поселения от районного центра и центра сельского совета, принадлежность к природно-климатической зоне.

Для анализа ситуации в регионе была сформирована база данных, включающая все населенные пункты, существовавшие с периода переписи населения 1939 г. В качестве точек фиксации изменений приняты итоги переписей 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 гг. и данные статистического учета за последующие годы. Используются такие ресурсы, как «Динамические ряды статистических показателей» (Амурстат), базы данных показателей муниципальных образований³, а также результаты специально проведенной паспортизации поселений региона.

Приамурье в новой модели опережающего развития Дальнего Востока

Целью новой модели опережающего развития Дальнего Востока является ускоренный рост экономики, повышение качества жизни населения и его закрепление на территории макрорегиона⁴. Для ее достижения предусмотрен ряд инструментов, среди которых следует назвать создание и развитие территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР)⁵, государственную инфраструктурную поддержку инвестиционных проектов⁶, бесплатное предоставление земельных участков⁷. Кроме этого, созданы специальные институты

³ База данных показателей муниципальных образований. Амурская область.
URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst10/DBInet.cgi>

⁴ Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 308. URL: <https://base.garant.ru/70644078/>

⁵ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/

⁶ Методика отбора инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территории Дальнего Востока: утв. постановлением Правительства РФ от 16.10.2014 № 1055. URL: <https://base.garant.ru/70772742/>

⁷ Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/

развития Дальнего Востока, способствующие формированию благоприятных условий для осуществления инвестиционной деятельности⁸.

Результатом использования новой модели развития является значительное увеличение инвестиционной активности в субъектах макрорегиона. Так, по итогам 2018 г. Амурская область вошла в число пяти регионов Российской Федерации с наибольшей инвестиционной активностью (*табл. 1*). Определяющую роль в этом сыграла реализация на территории области крупных инвестиционных проектов. В числе реализованных проектов – Бурейская и Нижнебурейская ГЭС, автомобильная трасса «Амур», газопровод «Сила Сибири». В перечень приоритетных инвестиционных проектов Амурской области включено 28 проектов, в том числе реализуемые в настоящее время проекты строительства пограничного мостового перехода через реку Амур (Хэйлунцзян) в районе городов Благовещенск (РФ) и Хэйхэ (КНР), космодрома «Восточный», Амурского газоперерабатывающего завода, завода по глубокой переработке сои и инвестиционные проекты в добывающей промышленности (золотодобыча).

Однако увеличение инвестиционной активности отмечается далеко не во всех муниципальных образованиях региона. В *табл. 2* представлены рассчитанные показатели вариации по индикатору «объем инвестиций в основной капитал на душу населения» в разрезе муниципальных образований за период 2007–2018 гг. На протяжении всего периода исследования значения коэффициента вариации значительно превышают пороговые 33%, за пределами которых совокупность считается неоднородной.

Отмечается ежегодное увеличение разрыва между максимальными и минимальными значениями показателя, составившее в 2018 г. 2 327 раз. Среди муниципальных образований с показателями выше среднего следует выделить Бурейский (2007–2016 гг.), Благовещенский (2017–2018 гг.), Свободненский муниципальные районы (2016–2018 гг.), городские округа Благовещенск (2007–2015 гг.), Свободный (2010–2018 гг.), а также Магдагачинский, Сковородинский и Тындинский муниципальные районы (весь период исследования).

Позитивные сдвиги наметились и в демографическом развитии области. Одним из наиболее заметных показателей является снижение миграционной активности населения области. По данным Амурстата, миграционный оборот населения в области составил 62,2 тыс. чел., что в 2,4 раза меньше по сравнению с 1990 г. Вместе с тем Амурская область по-прежнему выступает «донором» населения по отношению к другим регионам России. Всего за 2009–2018 гг., по данным текущей статистики, миграционная убыль при обмене с федеральными округами страны составила 42,4 тыс. чел. Миграционный прирост за счет обмена с зарубежными странами уменьшил общую миграционную убыль на 6,2 тыс. чел., или на 14,6%.

⁸ Фонд развития Дальнего Востока. URL: <https://www.fondvostok.ru/>

Оценивая влияние инвестиционной активности на демографические процессы в регионе, следует отметить доминирующий характер развития центрo-периферийных связей, одним из проявлений которых на региональном уровне является рост неоднородности экономического пространства, увеличение поляризации, проявлением которой становятся изменения в системе расселения, рост концентрации населения в крупных центрах и деградация инфраструктурного потенциала в системе сельского расселения.

Динамика трансформаций в системе расселения Амурской области

Процесс пространственной поляризации во многом определяется модернизацией сервисного сектора экономики, сочетающей в себе расширение спектра предоставляемых населению услуг с концентрацией их производства в наиболее крупных поселениях и свертыванием их предоставления в наиболее мелких населенных пунктах. В рамках исследования была сформирована типология районных центров обслуживания населения, в которой были учтены различия в уровне развития их сервисного потенциала и удаленность от областного центра. При оценке влияния центров обслуживания населения на привлекательность поселений мы исходим из того, что конечным индикатором выступают показатели миграции и изменений в численности населения. Полученные данные представлены в *табл. 3*.

Результаты типологизации показали, что устойчивый рост численности населения на всем протяжении выделенного периода сохранялся только в районе, примыкающем к областному центру. Особенно привлекательными следует считать сельские населенные пункты (СНП), непосредственно примыкающие к областному центру. Прирост численности населения в них обеспечивался не только за счет миграции из других районов и городов региона, но и из других регионов страны и стран СНГ. Более того, практически на 50% прирост численности населения ближайших к областному центру сел формировался за счет горожан, создававших анклавы коттеджной застройки. Полученные данные свидетельствуют о значительной роли районных центров в системе обслуживания населения, что проявляется во влиянии на привлекательность СНП степени их удаленности от районных центров.

В Приамурье, помимо областного центра, функции районных центров выполняют 7 городов, 5 рабочих поселков и 7 сельских населенных пунктов. Эти типы поселений существенно различаются по сервисному потенциалу, что сказывается и на примыкающих к ним сельских населенных пунктах.

Высокий уровень развития локальных центров обслуживания населения (ЛЦОН) крупнейших городов региона не позволяет сформировать картину движения численности населения в муниципальных образованиях, примыкающих к

областному центру, но выступает существенным фактором сдерживания оттока населения из СНП.

Более низкий сервисный потенциал рабочих поселков, являющихся районными центрами, еще больше ограничивает их возможности компенсировать низкий уровень развития инфраструктурного комплекса сельских населенных пунктов. Их возможности осуществлять межселенное обслуживание позволяет только сдерживать отток населения из ближайших к ним сел.

Наименьший сервисный потенциал сложился в районных центрах, являющихся сельскими поселениями. Их слабость менее заметна в районах, находящихся вблизи от областного центра. Его компенсаторная функция позволила поддержать общий отток сельских жителей на уровне, близком к сложившемуся вокруг городов региона.

Динамика изменений в системе аграрных поселений

Заселение Приамурья носило главным образом аграрный характер, определяя доминирующее положение сельских населенных пунктов в региональной системе расселения. В ходе процесса урбанизации доля сельского населения в регионе последовательно сокращалась, снизившись с 40,4 % в 1959 г. до 32% в 1989 г. Важно подчеркнуть, что на протяжении этого периода численность сельских жителей в абсолютном выражении росла высокими темпами. Увеличение составило 46,8 тыс. чел., или 16,2% от уровня 1959 г. Этой позитивной для развития региона тенденции способствовали естественный прирост и положительное сальдо межрегиональной миграции, обеспеченное использованием организованных форм переселения.

С началом рыночных преобразований в системе сельского расселения произошли значительные негативные изменения, явившиеся следствием свертывания в регионе сельскохозяйственного производства, прекращения деятельности большинства сельскохозяйственных предприятий. Сокращение посевных площадей, отказ сельскохозяйственных организаций от производства плодоовощной продукции, развития животноводства привели к масштабному сокращению занятости, распространению в сельской местности безработицы.

Поскольку в подавляющем большинстве населенных пунктов (НП), имеющих сельскохозяйственную специализацию, другие виды хозяйственной деятельности не развивались, возможности поддержания доходов семей сводились к занятости в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ), приводя к распространению бедности. Так, за период 1989–2019 гг. в таких населенных пунктах сохранилось только 38,9% населения. Особенно болезненно отразилось сокращение сельскохозяйственного производства на периферийных селах, где размещались отдельные подразделения

сельскохозяйственных предприятий, которые понесли потери и прекратили существование в первую очередь (табл. 4).

Одним из выражений складывавшейся динамики стало изменение средней численности населения сельских населенных пунктов региона: по итогам переписи 2002 г. – 512 чел., а в 2010 г. – 473 чел. Важным негативным следствием этого процесса является увеличение числа сельских жителей, проживающих в наиболее мелких населенных пунктах, где условия жизни являются наихудшими. Так, число проживающих в селах с численностью населения до 50 чел. выросло с 504 чел. в 1989 г. до 1 816 чел. на начало 2019 г., а в селах с численностью населения от 51 до 100 чел. выросло с 3 041 чел. в 1989 г. до 4 464 чел. в 2019 г.

Для анализа влияния факта размещения нами сформирована типология сельских населенных пунктов, где на 2018 г. были зарегистрированы: сельскохозяйственные предприятия и другие сельскохозяйственные товаропроизводители (СХП и ИП); только индивидуальные предприниматели и (или) крестьянские (фермерские) хозяйства (ИП, КФХ); населенные пункты, где размещавшиеся ранее подразделения сельскохозяйственных предприятий (колхозов/совхозов) прекратили существование, а сельскохозяйственное производство ведется населением только в рамках личных подсобных хозяйств (ЛПХ).

Как показало сравнение, в тех населенных пунктах, где размещались сельскохозяйственные предприятия, потери численности населения за период 1989–2019 гг. составили 11,3%; где сельскохозяйственное производство ведут КФХ и ИП – 33%; где сохранились только ЛПХ – 61,1%. Столь кардинальные различия позволяют говорить о решающей роли занятости в устойчивости сельских населенных пунктов. Среди перспективных направлений государственной политики поддержки сельского населения может быть также названа активизация поддержки мелких форм хозяйствования, включая совершенствование и распространение действия различных форм кооперации.

Динамика изменений в поселениях транспортной специализации

Роль железнодорожного транспорта весьма существенна в формировании системы расселения. Отделения железных дорог в пределах Амурской области включают в себя 148 станций и разъездов. Ощутимый для региона новый импульс к освоению был связан со строительством БАМ, вызвавшим создание новых поселений на севере региона, выполняющих роль железнодорожных станций.

При позитивной роли развития железнодорожного транспорта в освоении региона нельзя не видеть, что на локальном уровне в значительном числе случаев складывается иная тенденция. Происходящая модернизация железнодорожного транспорта, совершенствование транспортно-логистических систем,

обеспечивающее развитие высокоскоростного и скоростного движения, вызывают потребность оптимизации транспортной инфраструктуры (табл. 5).

Одним из следствий модернизации на региональном уровне является внедрение технологий, обеспечивающих сокращение потребности в кадрах и уменьшение числа железнодорожных станций и разъездов, что приводит к сокращению числа поселений, потере населенными пунктами градо- и поселкообразующей базы и сокращению численности населения. Вследствие повышения оснащенности участков наиболее значительное сокращение коснулось подразделений, расположенных в малых населенных пунктах.

При оценке сокращения численности населения в населенных пунктах железнодорожной специализации следует учитывать, что их значительная часть представляет собой удаленные станции, расположенные в безлюдных местах, что резко снижает их привлекательность как мест постоянного жительства. Наименьшей устойчивостью обладают станции и разъезды горно-таежной малозаселенной части области (Магдагачинский, Сковородинский и Шимановский районы) с численностью населения 11–45 чел.).

В современной модели опережающего развития Дальнего Востока значительная роль отводится созданию конкурентоспособных территорий опережающего развития. Реализация наиболее крупных инвестиционных проектов в настоящее время находится на начальной стадии, в рамках которой осуществляется наращивание строительных работ. Ряд других проектов также носит «пионерный» характер, поэтому говорить об их масштабном влиянии на социально-экономическое развитие региона можно только в будущем. Вместе с тем на демографические процессы, миграционную ситуацию, занятость и доходы населения реализация проектов уже оказывает существенное влияние.

Реализация инвестиционных проектов предполагает, прежде всего, создание дополнительных рабочих мест. Особенно значительным в регионе стало увеличение численности занятых в г. Свободный и Свободненском районе, где ведется строительство космодрома «Восточный» и Амурского газоперерабатывающего завода (ГПЗ). Численность персонала, занятого на строительстве, к началу пиковых нагрузок составляла 16 тыс. чел. Пик строительных работ приходится на 2019–2020 гг., когда на строительную площадку должно быть мобилизовано более 25 тыс. чел. Размещение строителей осуществляется в трех вахтовых поселках. Первый и второй вахтовые поселки рассчитаны на 5 тыс. и 3,5 тыс. чел. соответственно. Третий вахтовый поселок рассчитан на 17 тыс. чел. Количество рабочих мест на самом заводе составит около 3 тыс.

При общем сокращении численности работников предприятий и организаций в области в г. Свободном в 2019 г. по сравнению с 2015 г. она выросла более чем в 2,6 раза, а в Свободненском районе – в 2,5 раза. При этом предусматривается

дальнейшее значительное наращивание численности занятых. О масштабах реализации инвестиционных проектов можно судить по потребностям, заявленным в центры занятости населения Амурской области. В г. Свободный и Свободненском районе в 2017 г. заявлена потребность предприятий и организаций в количестве 20 227 чел., в 2018 г. – 45 792 чел., что составило от общей потребности в кадрах по Амурской области соответственно 68,1% и 82,2%.

Результаты обследований населения по проблемам занятости позволяют оценить масштабы, структуру и результативность маятниковой и сезонной внешней миграции. Так, в 2017 г. на работу в область въехало из других субъектов России 9,4 тыс. чел., а выехало 3,7 тыс. чел. Положительный баланс внешней трудовой миграции составил 5,7 тыс. работников. Это позволило уменьшить дефицит рабочей силы в экономике области. Необходимо отметить, что временная трудовая миграция, несмотря на сезонные (годовые) колебания, имеет плавную тенденцию к росту. Так, в 2011 г. численность въехавших на работу в область составила 3,9 тыс. чел., а численность выехавших за ее пределы – 4,1 тыс. чел. (–0,2 тыс. чел., то есть баланс отрицательный). В 2014 г. соответственно въехали 5,3 тыс. чел. и выехали 3,3 тыс. чел. (+2 тыс. чел., то есть баланс положительный).

Реализация инвестиционных проектов такого уровня в прошлом приводила к росту численности населения региона. Наибольший рост численности населения в Амурской области наблюдался в северных районах, что было связано со строительством БАМ и организацией эксплуатации железной дороги. Так, в г. Тында численность населения выросла к 1991 г. по сравнению с 1975 г. более чем в 6 раз и составила 65 тыс. чел. Приток населения из других регионов страны обусловил формирование в регионе благоприятной демографической структуры. За счет миграции существенно увеличивалась доля в населении молодежи, определяя высокий уровень рождаемости и превышение его показателей по отношению к смертности.

Использование в настоящее время вахтового метода ведения работ принципиально изменило картину демографических эффектов реализации инвестиционных проектов. В муниципальных образованиях, на территории которых реализуются инвестиционные проекты (г. Свободный, Бурейский и Магдагачинский районы), наблюдается миграционная убыль.

Заключение

Проведенный анализ свидетельствует, что реализуемая инвестиционная стратегия не приводит к существенному улучшению демографической ситуации, перелому тенденции оттока населения из региона, способствуя наращиванию территориальных диспропорций, формированию обособленных зон бедствия. Определяющую роль в перераспределении населения в пользу областного центра сыграли осуществляемые преобразования в сервисном секторе области.

Сохраняются высокие объемы временной миграции, что проявляется в значительной численности прибывших к месту пребывания, а также выбывших из места жительства к месту пребывания. Определяющая роль в развитии этого процесса принадлежит развитию временной внутренней трудовой миграции.

Для происходящих миграционных процессов характерно преобладание внутрирегиональной миграции над межрегиональной и международной. При этом зарегистрированные по новому месту жительства на три четверти формируются за счет внутрирегиональных мигрантов, тогда как в рамках возвратной миграции преобладают прибывающие из-за пределов области.

При всей значимости уже сложившихся позитивных тенденций в развитии сельского хозяйства региона и аграрных поселений в них отсутствуют основания для кардинальных изменений ситуации к лучшему. Очевидно, что узкая специализация на сельскохозяйственных предприятиях при наличии активной государственной поддержки делает их высокорентабельными, не стимулируя развитие производства других видов сельскохозяйственной продукции. Накопленный к настоящему времени опыт свидетельствует, что совершенствование региональной пространственной политики предполагает включение в число наиболее важных вопросов оптимизацию системы сельского расселения, что предполагает определение населенных пунктов, подлежащих сселению.

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал (1995–2017 гг.)

Table 1

Fixed investment (1995–2017)

Год	Сумма в фактически действовавших ценах (млн руб.)	% к предыдущему году (в сопоставимых ценах)
1995	1 796,7	82
2000	4 051,3	142,4
2005	23 742,5	94,7
2010	83 892,1	119,5
2011	118 296,5	131,3
2012	113 083,9	91,4
2013	102 003,5	85,6
2014	76 375,7	72,4
2015	102 214	128,9
2016	129 816,1	115,5
2017	186 624,1	136,6

Примечание. Учтены инвестиции в основной капитал крупных и средних организаций, субъектов малого предпринимательства, индивидуальных застройщиков, а также инвестиции, не наблюдаемые прямыми статистическими методами. Сумма за 1995 г. указана в млрд руб. Данные за 2014 г. рассчитаны в соответствии с новой методологией Росстата (в качестве сопоставимых цен принимаются среднегодовые цены предыдущего года).

Источник: составлено по данным Амурстата

Source: Authoring, based on the Amurstat data

Таблица 2

Рассчитанные показатели вариации по индикатору «объем инвестиций в основной капитал на душу населения» (2007–2018 гг.)

Table 2

Calculated Volume of Investment in Fixed Assets per Capita indicator variations (2007–2018)

Год	Среднее значение	Размах	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации	Асимметрия	Экспесс
2007	19,66	229,07	47,55	241,83	3,76	15,01
2008	25,88	201,08	50,11	193,64	2,65	6,48
2009	31,66	257,49	61,66	194,76	2,64	6,7
2010	32,13	227,01	50,66	157,69	2,63	7,87
2011	40,08	167,74	52,72	131,51	1,64	1,42
2012	49,09	356,73	82,56	168,19	2,69	7,54
2013	44,74	255,56	59,56	133,14	2,22	5,37
2014	60,14	429,88	93,09	154,8	2,76	9
2015	71,84	627,66	126,66	176,31	3,45	14,1
2016	159,86	1 447,28	293,06	183,33	3,43	14,09
2017	687,31	10 050,9	1 988,87	289,37	4,26	19,57
2018	490,9	7 148,2	1 382,82	281,69	4,5	21,61

Источник: составлено по данным Амурстата

Source: Authoring, based on the Amurstat data

Таблица 3

Динамика изменения численности населения в сельских населенных пунктах с различной удаленностью от районного центра (1989–2019 гг.), %

Table 3

The population change in rural settlements with different distance from the district center for 1989–2019, percent

Удаленность сельского населенного пункта от районного центра, км	Общее количество сельских населенных пунктов	До 20 км	От 20 до 50 км	Свыше 50 км	70 км и более
Ближняя, примыкающая периферия	181,7	484,7	119,1	84,3	77,8
Ближняя периферия с низким уровнем развития локальных центров обслуживания населения	66,5	76,5	69,5	43	34,1
Срединная (удаленная) периферия с высоким уровнем развития локальных центров обслуживания населения	68,9	93,2	59,8	61,2	60
Дальняя периферия со средним уровнем развития локальных центров обслуживания населения	55,5	51,5	42,7	47,6	50
Срединная периферия с низким уровнем развития локальных центров обслуживания населения	44	54,6	42,6	29,2	33,5
Дальняя периферия с высоким уровнем развития локальных центров обслуживания населения	61,9	77,7	48,2	54,4	53,5
Срединная периферия со средним уровнем развития локальных центров обслуживания населения	47,1	70,6	53,4	40,5	41,3

Дальняя периферия, примыкающая к локальным центрам обслуживания населения с низким уровнем развития	64,4	71,3	55,2	64,4	57,2
--	------	------	------	------	------

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 4

Изменения в населенных пунктах сельскохозяйственной специализации, %

Table 4

Changes in settlements of agricultural specialization, percent

Населенный пункт	Число населенных пунктов		
	1989 г. к 1970 г.	2019 г. к 1989 г.	2019 г. к 2010 г.
Сельскохозяйственный центр	89,2	95,4	98,2
Центр промышленности и сельского хозяйства	100	100	100
Сельскохозяйственный и транспортный центр	100	100	100
Всего	–	–	–

Продолжение

Населенный пункт	Численность населения		
	1989 г. к 1970 г.	2019 г. к 1989 г.	2019 г. к 2010 г.
Сельскохозяйственный центр	100,6	69,4	95,3
Центр промышленности и сельского хозяйства	150,3	82,6	94,6
Сельскохозяйственный и транспортный центр	95,2	65,4	87,7
Всего	105,4	71,2	95

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 5

Изменения в населенных пунктах транспортной специализации, %

Table 5

Changes in settlements of transport specialization, percent

Населенный пункт	Число населенных пунктов		Численность населения	
	1989 г. к 1970 г.	2019 г. к 1989 г.	1989 г. к 1970 г.	2019 г. к 1989 г.
Железнодорожная станция	117,2	88,2	155,4	78,6
Железнодорожный разъезд	60	66,7	40,4	32,8
Другое (блокпост, бригада, казарма и т.п.)	27,8	50	14,2	22,3
Всего	88,7	83,9	154,8	78,6

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. Дьяченко В.Н. Малые села в системе регионального управления. В кн.: Ученые записки: сборник статей. Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 2019. С. 61–74.
2. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии: монография. М.: Наука, 1991. 167 с.

3. *Аганбегян А.Г.* Сбережение населения России под вопросом // *Народонаселение*. 2018. Т. 21. № 4. С. 4–13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sberezhenie-naseleniya-rossii-pod-voprosom/viewer>
4. *Мотрич Е.Л., Дьяченко В.Н., Бурлаев Е.А., Фещенко Н.В.* Население Дальнего Востока России: проблемы и тенденции. Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 2018. 71 с.
5. *Симагин Ю.А.* Дифференциация территории России по динамике численности населения на муниципальном уровне // *Экономика. Налоги. Право*. 2019. Т. 12. № 2. С. 91–102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-territorii-rossii-po-dinamike-chislennosti-naseleniya-na-munitsipalnom-urovne/viewer>
6. *Ткаченко А.А.* Государственная политика и национальный проект «Демография» // *Народонаселение*. 2018. Т. 21. № 4. С. 23–35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-i-natsionalnyy-proekt-demografiya/viewer>
7. *Найден С.Н., Белоусова А.В.* Социальное инвестирование как инструмент модернизации демографического развития на Дальнем Востоке // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Т. 11. № 6. С. 212–228. URL: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.6.60.13>
8. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2016. № 5. С. 46–59. URL: <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-5-46-59>
9. *Грицко М.А.* Человеческий потенциал «нового» Дальнего Востока // *Регионалистика*. 2020. Т. 7. № 1. С. 5–19. URL: <https://doi.org/10.14530/reg.2020.1.5>
10. *Зубаревич Н.В.* Трансформация сельского расселения и сельской сети услуг в регионах // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2013. № 3. С. 26–38. URL: <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2013-3-26-38>
11. *Нефедова Т.Г.* Основные тенденции изменения социально-экономического сельского пространства сельской России // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2012. № 3. С. 5–21. URL: <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2012-3->
12. *Горбенкова Е.В.* Факторы, определяющие развитие сельского расселения // *Вестник МГСУ*. 2019. № 7. С. 805–818. URL: <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2019.7.805-818>

13. Вихрёв О.В., Ткаченко А.А., Фомкина А.А. Системы сельского расселения и их центры (на примере Тверской области) // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2016. № 2. С. 30–37.
URL: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/viewFile/202/203>

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

DEMOGRAPHIC EFFECTS OF THE REGION'S INVESTMENT STRATEGY IMPLEMENTATION

Vladimir N. D'YACHENKO ^{a,*}, Viktoriya V. LAZAREVA ^b

^a Economic Research Institute, Far Eastern Branch of RAS,
Khabarovsk, Russian Federation
dvn48@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4661-0328>

^b Amur State University (AmSU),
Blagoveshchensk, Amur Oblast, Russian Federation
v_lazareva12@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9181-9393>

* Corresponding author

Article history:

Article No. 245/2020
Received 28 April 2020
Received in revised form
25 May 2020
Accepted 11 June 2020
Available online
16 July 2020

JEL classification: J61,
R23, R58

Keywords: demography,
national projects, regional
development, investment
projects, labor migration,
population

Abstract

Subject. This article discusses the differentiation in the development of the investment process by industry and region, and the demographic effects resulting from transformations in the regional economy and social sphere.

Objectives. The article aims to assess the demographic effects arising out of investment projects implementation in municipal entities and some individual settlements.

Methods. For the study, we used the methods of logical, comparative, and statistical analyses, and classification.

Conclusions. The investment strategy implemented does pay dividends in terms of a significant improvement in the demographic situation and the trend of outflow of people from the region. The development of regional labor mobility occurs mainly in the form of temporary movements without a change of residence. Radical changes in intra-regional spatial policy are needed. Strategic development plans for the region need to be improved.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2020

Please cite this article as: D'yachenko V.N., Lazareva V.V. Demographic Effects of the Region's Investment Strategy Implementation. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2020, vol. 18, iss. 7, pp. 1248–1265.
<https://doi.org/10.24891/re.18.7.1248>

References

1. D'yachenko V.N. *Malye sela v sisteme regional'nogo upravleniya. V kn.: Uchenye zapiski: sbornik statei* [Small villages in the system of regional government. In: Scholar notes: a collection of articles]. Khabarovsk, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of RAS Publ., 2019, pp. 61–74.
2. Gritsai O.V., Ioffe G.V., Treivish A.I. *Tsentr i periferiya v regional'nom razvitii: monografiya* [Center and periphery in regional development: a monograph]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 167 p.

3. Aganbegyan A.G. [Saving of the Russian population is questionable]. *Narodonaselenie = Population*, 2018, vol. 21, no. 4, pp. 4–13.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sberezhenie-naseleniya-rossii-pod-voprosom/viewer> (In Russ.)
4. Motrich E.L., D'yachenko V.N., Burlaev Ye.A., Feshchenko N.V. *Naselenie Dal'nego Vostoka Rossii: problemy i tendentsii: monografiya* [The population of the Russian Far East: problems and tendencies: a monograph]. Khabarovsk, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of RAS Publ., 2018, 71 p.
5. Simagin Yu.A. [Differentiation of Russian territories according to the population trends at the municipal level]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 91–102.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-territorii-rossii-po-dinamike-chislennosti-naseleniya-na-munitsipalnom-urovne/viewer> (In Russ.)
6. Tkachenko A.A. [State policy and national project “Demography”]. *Narodonaselenie = Population*, 2018, vol. 21, no. 4, pp. 23–35.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-i-natsionalnyy-proekt-demografiya/viewer> (In Russ.)
7. Naiden S.N., Belousova A.V. [Social investment as a tool for modernization of the demographic development in the Far East]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, iss. 6, pp. 212–228. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.6.60.13>
8. Karachurina L.B., Mkrtchan N.V. [Role of migration in enhancing contrasts of settlement pattern at municipal level in Russia]. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2016, no. 5, pp. 46–59. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-5-46-59>
9. Gritsko M.A. [Human potential of the “new” Russian Far East]. *Regionalistika = Regionalistics*, 2020, vol. 67, no. 1, pp. 5–19. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.14530/reg.2020.1.5>
10. Zubarevich N.V. [Transformation of rural settlement pattern and service network in rural areas]. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2013, no. 3, pp. 26–38. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2013-3-26-38>
11. Nefedova T.G. [Major trends for changes in the socioeconomic space of rural Russia]. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2012, no. 3, pp. 5–21. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2012-3->

12. Gorbenkova E.V. [Factors shaping the development of rural settlement]. *Vestnik MGSU*, 2019, no. 7, pp. 805–818. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2019.7.805-818>
13. Vikhrev O.V., Tkachenko A.A., Fomkina A.A. [Rural settlement systems and settlement centers (case study of the Tver Oblast)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya = Moscow University Bulletin. Series 5. Geography*, 2016, no. 2, pp. 30–37. URL: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/viewFile/202/203> (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.